



Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая)
1872–1952

ПРЕДИСЛОВИЕ



Известная в дореволюционной России писательница Надежда Александровна Тэффи (урожденная Лохвицкая, по первому мужу Бучинская¹) родилась в апреле 1872 года... Или не в апреле? А год, какой же это был год? Дочь Тэффи, Валерия Грабовская, передавая документы писательницы в Бахметьевский архив в Нью-Йорке, указала год рождения матери — 1885-й, что немного странно, поскольку сама Валерия родилась в 1892 году.

Такой год рождения указала Тэффи, когда получала новые документы в Париже, где оказалась в эмиграции в 1920 году. Насколько можно «верить» этим документам, мы поймем, например обратившись к диссертации Елены Максимовны Трубиловой², где приведен анализ парижских идентификационных карточек, предполагавших самоописание и в которых Тэффи в один год описывает

1. Тэффи и Владислав Бучинский развелись в 1900 году. Эдит Хейбер предполагает, что Тэффи была замужем ещё раз — за Дмитрием Щербаковым. Об этом см.: Э. Хейбер. Смеющаяся вопреки. С. 128–130.
2. Трубилова Е. М. Творческий путь Н. А. Тэффи: (Эмигрантский период): диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.02. — Москва, 1994. — 168 с.

себя как зеленоглазую шатенку, в другой — как кареглазую блондинку и так далее. Это не шутка и не кокетство, это — часть автобиографической легенды¹.

До 2014 (!) года дата рождения Надежды Александровны в разных источниках варьировалась с апреля по май от 1872 до 1885 года. Настоящие дата и место рождения Тэффи были установлены только в 2014 году исследовательницей Тamarой Александровной Александровой, работавшей с архивами гимназии, где училась Надежда Александровна: 25 апреля (по новому стилю 8 мая) 1872 г., Санкт-Петербург. Но и до сих пор возможны уточнения; например, американский специалист по творчеству Тэффи Эдит Хейбер в недавно вышедшей подробной биографии «Смеющаяся вопреки: Жизнь и творчество Тэффи» пишет: «Надежда (то есть Тэффи) родилась в Санкт-Петербурге 16 апреля (по новому стилю 29 апреля) 1872 г.»².

Бесспорно только одно — Тэффи была очень известна до революции. Она оставила огромное наследие: рассказы, пьесы, фельетоны, стихи, песни. Ее песенки пели, ее стихи декламировали, ее пьесам аплодировали, ее фельетоны расхватывали на цитаты. Как же так получилось, что сведения о столь известном, но не столь отдаленном от нас во времени авторе так запутанны?

Виной тому — сама Тэффи, в разные годы по-разному указывавшая свой возраст³ и дату рождения (а еще эти сложности со старым и новым стилем!) и всю жизнь творившая свою автобиографическую легенду, свой образ в литературе и в жизни. Частью этой легенды было то, что в эмиграции Тэффи оказалась случайно.

Вернемся еще во времени назад. Не есть ли вообще наша любовь к мемуарной литературе на самом деле любовь к путешествиям во времени?.. В дореволюционной России

1. О разделении автобиографического мифа и легенды см.: *Магомедова Д. М.* Александр Блок: Биография и поэтика в свете автобиографического мифа. Siedlce, 2013. С. 9–10.
2. *Хейбер Э.* Смеющаяся вопреки. С. 28.
3. Например, Наталья Соллогуб, дочь писателя Бориса Зайцева, вспоминала: «...Тэффи была много старше моих родителей. А вся компания их была помоложе Надежды Александровны. И она всегда немножко убавляла свой возраст. Лет на пятнадцать! И в какой-то момент мы уже просто запутались, сколько же ей лет!» (см.: «Напишите мне в альбом...»: беседы с Н. Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От. М., 2004. С. 141.)

Тэффи была настолько популярна, что даже были духи и конфеты, названные ее именем. Есть известная фраза о том, что ей восхищались все, от Николая II до Ленина. Что, однако, после революции не помешало аресту артистки, читавшей произведения Тэффи на вечере. Так что «невольное путешествие через всю Россию», как она потом напишет, началось очень даже вовремя. В «Воспоминаниях» Тэффи опишет этот случай легко и иронично, хотя на самом деле арест артистки означал прямую угрозу для Тэффи¹.

И Тэффи уезжает. Сперва из Санкт-Петербурга в Москву, потом оттуда на гастроли в Киев и далее в Одессу, Новороссийск и... Константинополь. В 1920 году она уже будет в Париже, где в 1931 году выйдут отдельной книгой ее «Воспоминания», до этого главами выходившие в эмигрантской газете «Возрождение»². В них Тэффи описывает путь из Москвы до Новороссийска по России, охваченной Гражданской войной, «простой и правдивый рассказ о невольном путешествии автора через всю Россию вместе с огромной волной таких же, как он, обывателей».

Разумеется, эти «обыватели» являются таковыми ровно в той же мере, в какой является им и сама Тэффи, — то есть не являются. Это писатели, издатели, политические деятели и другие известные фигуры той эпохи. Писатель Аркадий Аверченко, с которым она начала свое путешествие, писатели Максимилиан Волошин и Влас Дорошевич, журналист Мильруд³, редактор Ф. И. Благов, актрисы Вера Ильнарская⁴ и Рощина-Инсарова, ясновидящий Арман Дюкло, губернатор Одессы Гришин-Алмазов, товарищ министра юстиции Ильяшенко и поэтесса Кузьмина-Караваева (будущая мать Мария) и многие, многие другие, чья жизнь была перевернута революцией и войной. Но Тэффи важно запечатлеть не их «статус», а их живую душу — со всеми взлетами и падениями, метаниями, мучениями. И какая любовь, какое

1. См. об этом эпизоде: *Хейбер. Э.* Смеющаяся вопреки. С. 155.
2. «Возрождение» — русскоязычная газета, выходившая в Париже с 1925 г., позднее ставшая журналом. В ней публиковались многие русские писатели, находящиеся в эмиграции, в частности Тэффи, Бунин, Куприн.
3. *Мильруд Михаил Семенович* (1888–1942) — журналист, сотрудник «Русского слова» и «Киевской мысли».
4. *Ильнарская Вера Николаевна* (1877–1945) — актриса театра Корша.

торый, кстати, тоже имел доброе прозвище «братец»): «Друг дорогой! С Пантелеем беда! Совсем отбился от рук. Не посоветовавшись, назвал новую книгу «Большая елань». <...> Я советовала назвать по другому рассказу „Звериный знак“. В этом и загадка и тайна»¹.

Об Илье Фондаминском, писателе и бывшем эсере, принявшем православие и погибшем в концентрационном лагере, Тэффи писала: «Малые подвиги? Да. Из малых кирпичиков строил Илюша высокую свою башню. Но вынуть один из таких кирпичиков, и будет горькой болью или даже черной смертью богаче жестокая наша земля».

И, быть может, шире — каждый человек в ее воспоминаниях о современниках и о пути в эмиграцию — важный кирпичик памяти. В «Воспоминания» вошли эпизоды из фельетонов периода ее беженского путешествия по России. Это делает текст более художественным и помогает автору настроить нашу читательскую оптику на определенный лад, суметь увидеть что-то забавное в тяжелый момент. А еще много страшного описывает Тэффи, над чем посмеяться нельзя, но можно искренне плакать. И можно и нужно помнить. «Воспоминания» — такая крепость памяти о людях и событиях, а еще знание о том, как оставаться человеком в поистине нечеловеческих условиях. ¶

Александра Бабушкина

1. Письмо Тэффи к Бунину от 10 января 1948 г. См. Переписку Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными. Диаспора: новые материалы. Вып. 2. СПб.: Феникс, 2001. С. 551. Сборник, вышедший в том же году, был назван «Звериный знак».

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ



Мои первые литературные шаги были ужасно жутки. Да я, собственно говоря, никогда быть писательницей и не собиралась, несмотря на то что все в нашей семье с детства писали стихи. Занятие это считалось у нас почему-то ужасно постыдным, и чуть кто поймает брата или сестру с карандашом, тетрадкой и вдохновенным лицом — немедленно начинает кричать:

— Пишет! Пишет!

Пойманный оправдывается, а учителя издеваются над ним и скачут вокруг него на одной ножке:

— Пишет! Пишет!

Вне подозрений был только самый старший брат, существо, полное мрачной иронии. Но однажды, когда после летних каникул он уехал в лицей, в комнате его были найдены обрывки бумаг с какими-то поэтическими возгласами и несколько раз повторенной строчкой:

| *О Мирра, бледная луна!*

Увы! И он писал стихи!

Открытие это произвело на нас сильное впечатление,

и, как знать, может быть, старшая сестра моя Маша, став известной поэтессой, взяла себе псевдоним Мирра Лохвицкая именно благодаря этому впечатлению.

Я мечтала быть художницей. И даже по совету одной очень дельной пригостишки-одноклассницы написала это желание на листочке бумаги, листочек сначала пожевала, а потом выбросила из окна вагона. Пригостишка говорила, что средство это «без осечки».

Когда старшая сестра, окончив институт, стала печатать свои стихотворения, я иногда, по дороге из гимназии, провожала ее в редакцию. Провожала не одна, а с нянюшкой, которая несла мою сумку с книгами.

И там, пока сестра сидела в кабинете редактора (что это был за журнал, не помню, но помню, что редакторами его были П. Гнедич и Всеволод Соловьев¹), мы с нянюшкой ждали в приемной.

Я садилась от нянюшки подальше, чтобы никто не догадался, что она за мной присматривает, делала вдохновенное лицо и думала, что меня, наверное, и рассыльный, и переписчица, и все просители принимают за писательницу. Вот только стулья в приемной были какие-то нескладно-высокие, и ноги у меня до полу не хватало. Но этот недостаток, как и короткое платье с гимназическим передником, вполне выкупался и покрывался с лихвою вдохновенным выражением лица.

В тринадцать лет у меня был уже литературный стаж: стихи на проезд государыни и стихи по случаю юбилея гимназии. В этих последних, написанных стилем пышной оды, была строфа, из-за которой много пришлось пострадать:

*И пусть грядущим поколениям,
Как нам, сияет правды свет
Здесь, в этом храме просвещения,
Еще на много, много лет!*

Этим «храмом просвещения» сестра донимала меня целый год. Притворюсь, что болит голова, не пойду в гимназию, и начинается:

1. Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) и Петр Петрович Гнедич (1855–1925) основали журнал «Север» и первое время были его редакторами.

— Надя, Надя! Что же ты не идешь в храм просвещения? Как же ты допускаешь, что там без тебя сияет правды свет?

И вот, когда мне было лет шестнадцать-семнадцать, написала я забавную «Песенку Маргариты», конечно, никому ее не показала и решила потихоньку отнести в «Осколки»¹.

В «Осколках» редактором был Лейкин², тогда уже старый, хворый. Вскоре он и умер.

Пошла в редакцию. Очень было страшно. Страшнее всего на лестнице, когда я протянула руку к звонку. Дверь была маленькая и грязная. Пахло пирогом с капустой, которого я терпеть не могу. Позвонила и тут же подумала: «Бежать!»

Но за дверью что-то заскреблось. Сняли цепочку. В щелку посмотрели — сначала один глаз, потом другой... и дверь открылась.

— Вам кого?

Пожилая, очень худая дама в орнбургском платке крест-накрест.

— Я к... мне к... к Лек...

— Их еще нет, — сказала дама. — Войдите, присядьте, обождите. Они скоро будут.

Посадила меня в крошечную комнатку и ушла. Из крошечной комнатки видна была другая, тоже небольшая, край письменного стола и над ним какое-то птичье чучело.

*Над столом висело птичье чучело,
На редактора смотрело, глаза пучило...*

Ждала долго. Изредка входила худая дама и, поглаживая костлявыми руками свой платок на груди, шептала мне:

— Потерпите! Теперь уже недолго.

И вот раздался звонок. Топот, кашель, хрип. Я разобрала:

— Кто?

— Что?

— А?

— Зачем?

— К кому?

1. «Осколки» — санкт-петербургский юмористический литературно-художественный журнал. Издавался с 1881 по 1916 г.
2. Николай Александрович Лейкин (1841–1906) — писатель и журналист, был редактором журнала «Осколки» с 1882 по 1906 г.

Первое посещение редакции

— Черт!

Потом хрип смолк, снова вошла худая дама и сказала испуганным шепотом:

— Они еще обмерзши.— И ушла. А я сидела и думала, какой ужас заниматься литературой...

Опять вошла худая дама и опять прошептала, видимо жалея меня и желая ободрить:

— Они еще не оттаявши!

Добрая дама! Обнять бы ее и вместе поплакать... И снова ушла. Господи, Господи! Уйти бы мне, да и уйти не смею. Опять дама.

— Они отошедши.

Я как-то не сразу поняла, что значит «отошедши». Одно мгновение подумала, что это значит, будто Лейкин умер, и в ужасе вскочила.

— Да вы не бойтесь! — успокаивала дама. — Они сказали, чтобы вас впустить.

Я зажмурилась, я шагнула вперед. Действительно, ведь не убьет же он меня! В кресле перед птичьим чучелом сидел кряжистый, кривоплечий и, кажется, косоглазый человек с черной бородой. Очень мрачный.

— С чем пожаловали? — спросил он меня, глядя в сторону. — Что вам нужно?

— Стихи... — прошептала я.

— Какие стихи?

— «Песенка Маргариты».

— Что-о? У нас, кажется, таких стихов отродясь не бывало. Объясните толковее.

— Я сочинила. Вот.

Он, не глядя на меня, протянул руку. Я ткнула в нее свой листок.

— Ну? — сказал он.

— Что? — спросила я.

— Ну и до свиданья. Ответ прочтете в «Почтовом ящике».

Через месяц я прочла в «Почтовом ящике» «Осколков»: «„Песенка Маргариты“ никуда не годится».

Таков был мой первый литературный шаг. Впоследствии эту самую «Песенку Маргариты» я прямо для тайного торжества над сердитым редактором (хотя его уже не было на свете) напечатала в разных изданиях не меньше четырех раз.

Хотя... пожалуй... будь я сама редактором, я бы не напечатала ее ни разу. ¶

ПСЕВДОНИМ



Меня часто спрашивают о происхождении моего псевдонима. Действительно — почему вдруг «Тэффи»? Что за собачья кличка? Недаром в России многие из читателей «Русского слова» давали это имя своим фоксам и левреткам.

Почему русская женщина подписывает свои произведения каким-то англоязычным словом?

Уж если захотела взять псевдоним, можно было выбрать что-нибудь более звонкое или, по крайней мере, с налетом идейности, как Максим Горький, Демьян Бедный, Скиталец. Это все намеки на некие политические страдания и располагает к себе читателя.

Кроме того, женщины-писательницы часто выбирают себе мужской псевдоним. Это очень умно и осторожно. К дамам принято относиться с легкой усмешечкой и даже недоверием:

- И где это она понахваталась?
- Это, наверное, за нее муж пишет.

Была писательница Марко Вовчок, талантливая романистка и общественная деятельница, подписывалась «Вергежский»; талантливая поэтесса подписывает свои критические